

СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАРАДИГМЫ ЕЁ ПОНИМАНИЯ В ЭПОХУ ИНВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Современный социум (земное общество в целом) вступило в качественно новую фазу своей эволюции. На смену былому магистральному направлению развития – прогрессу пришли стагнация и упадок. Это вызвано двумя причинами: природной и социальной.

Природная причина заключается в невозможности обеспечения семи-миллиардного населения Земли необходимыми продуктами и условиями жизнедеятельности. Ограниченность земельных площадей для производства продуктов питания, катастрофическая нехватка воды (особенно для питья), невосстановимое загрязнение всех сфер жизни человека, хаотические мутации генома человека и животных, разорительные природные катаклизмы -- всё это оставляет благоприятную природную нишу для полноценного существования не более одному миллиарду человек. Остальным приходится приспосабливаться к неуклонно ухудшающимся условиям повседневной жизни и, соответственно, снижать запросы и претензии к потребляемым товарам и услугам, в том числе и к услугам всех видов культуры и культурных ценностей.

Социальная причина выражается в упрощении и примитивизации основных общественных отношений и содержания социальных институтов, что обусловлено подчинением всех общественных процессов рыночным отношениям и установлением единого одномерного мерилла всех материальных и духовных ценностей – финансовую прибыльность. Её достижение достигается в массовом производстве продуктов, услуг и ценностей широкого потребления, т.е. в производстве индустриализированном, автоматизированном и, как нынче, роботизированном. Закономерно, что результаты имеют стандартизованный характер по качеству и по форме. То же самое происходит и с производством культурных благ и ценностей. Стандартизация обходится много дешевле, чем

индивидуализация многообразных потребностей, а упрощение стандартов еще больше удешевляет производимый продукт.

Обе эти причины действуют совместно, усиливая друг друга, причем первая стала ведущей, выражая непреодолимую энтропийную тенденцию эволюции человеческого социума – конечность существования всякого материального объекта.

Общая энтропийная тенденция дополняется разноплановым саморазвитием культуры как в прогрессивном направлении, так и в регрессивном. С одной стороны, культура продолжает выполнять функцию матрицы воспроизводства общественных институтов и общественных отношений, воспроизводства расширенного и все более организованного (совершенного). В силу этого сама культура во всех своих видах вырабатывает новые, более значимые и продуктивные знания и ценности (научные и технические знания, художественные ценности, улучшенные психологические и правовые нормативы и пр.), способствующие возвышению человека и укреплению его определяющей роли в социуме.

Но, с другой стороны и в то же время, происходит выхолащивание позитивного содержания и деградация формы жанров художественной культуры; коммерциализация науки и научных исследований (особенно в области общественнознания); замена достоверных оценок по объективным показателям экспертными оценками, субъективными и пристрастными в соответствии с рыночными интересами; эскалация производства квазинаучных и ложных знаний и антигуманных ценностей на рынке потребления культуры. Такая тенденция эволюции культуры служит принижению человека как высшей несравнимой ценности до разменной ассигнации на рынке товаров и услуг. Человек рассматривается измеримой ценностью наряду с другими рыночными ценностями и продуктами. Соответственно появляются теоретические концепции и целые науки вроде «экономики человека», концепции стоимости человеческой жизни, рентабельности эвтаназии и пр.

В основе всех вышеназванных тенденций лежат объективные экономические явления, прежде всего тренд глобального обнищания большей части населения. По данным Всемирного банка и ООН, за последние 15 лет XX века доход на душу населения снизился более чем в 100 странах мира. Более половины населения планеты жила в этот период менее чем на 2 доллара в день [4; стр.16]. По комплексной оценке Продовольственной организации ООН [ФАО], в наступившем XXI веке из 174 стран мира большинство не обнаруживает прогрессивных изменений в своей экономике, в 73 странах положение только ухудшается и только в полутора десятках стран («золотой миллиард») наблюдается улучшение. Комплексная оценка составляется из таких ключевых показателей, как: уровень ВВП страны, величина ВВП на душу населения, продолжительность жизни населения, грамотность взрослого населения, достижения в области образования и т.д. Прогноз на среднесрочную и долгосрочную перспективу имеет ту же тенденцию [6; стр.333].

Начальные полтора десятка лет XXI века характеризуется продолжением тех же тенденций и для мира в целом и для Российской Федерации. В последней, например, 45,3 % всего населения страны живет на 4 доллара в день в условиях официальной инфляции 6-8 процентов [2;стр.114]. Успокоительные заявления Правительства о том, что наблюдается положительная тенденция при нулевом росте и что в каждом следующем году ожидается рост экономики в 1-2 процента не отменяют аксиомы: реальные улучшения в виде сокращения безработицы и повышения жизненного уровня населения начинаются только при экономическом росте в 4% [3].

При этом неумолимо ухудшается качество жизни из-за необратимых изменений среды обитания. По расчетам Римского клуба, еще 30 лет назад все государства мира должны были бы тратить ежегодно почти весь свой годовой национальный доход на восстановление разрушаемой природной среды, чтобы добиться хотя бы сохранения прошлогоднего её состояния. Однако и сейчас, как и в прежние годы, лишь единицы стран отпускают на такие проекты ни-

чтожные доли годового бюджета. Как следствие, неуклонно увеличивается биологическая и химическая несовместимость человеческого организма со средой обитания. Об этом свидетельствует переход от объективной оценки здоровья человека по конкретным измеряемым показателям к субъективной индивидуальной оценке. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) ныне определяет здоровье человека как духовное и физическое состояние комфортности бытия индивида. Получается, что человек должен считать себя и считаться здоровым, если он ощущает себя комфортно при всех своих недугах, болезнях и телесных потерях, И при всевозможных психических и физических отклонениях, фиксируемых врачами.¹

Неуклонное сокращение материальных возможностей растущего населения планеты для производства и потребления культурных ценностей объективно выражается в постоянном росте разрыва между бедными и богатыми слоями населения. По данным Всемирного банка, за полтора десятилетия на рубеже XX – XXI вв. разница в доходах населения на мировой лестнице благосостояния возросла с 1: 80 до 1:500 [7]. Расчеты на благотворное влияние перехода к информационному и постиндустриальному обществу и на плодоносное воздействие науки совсем не оправдались. Проект ООН «Будущее мировой экономики» предрекал устойчивое цветущее развитие для всех стран для последней трети XX века. Но только две страны за обозримый период (1971 – 2000 гг.) как-то оправдали надежды проектантов: неожиданно Китай – рост на 93 %, скромненько США – рост на 2%. Россия и страны восточной Европы показали провальные результаты [6; стр.97-98] .

Исчерпание земных ресурсов сделало неосуществимым манящий идеал распределения «по потребностям» и даже тлеющую надежду на распределение «по труду». Упование на целительную роль конкуренции уже не имеет реальных оснований, поскольку конкуренция давно превратилась в инструмент монополизации во всех сферах общества, где она применяется.

¹ Какие открываются возможности для производства многообразия «культурных ценностей» при такой трактовке нормы и нормальности!

Культура как духовное инобытие общества повторяет его энтропийную тенденцию, но не однозначно и не автоматически. Она может выполнять и компенсаторную роль, выдвигая увлекающий идеал прогрессивного развития общества. Как, например, взлёт российской культуры после позорного поражения Российской империи в Крымской войне 1853-1856 гг. Но если такого идеала нет, и нет надежд на его появление, то культура (её творцы, хранители и распространители) замыкается в себе, перестает получать извне стимулы, в том числе материальные, для своего развития, то она сосредоточивается на продуцировании иных форм и выражений старых ценностей и знаний, меняет ориентиры с открытого служения обществу на внутреннюю рефлексивную и саморефлексию, переходит на созидание эзотерических языков в целях самозащиты и сохранения значимого социального статуса за счёт своей недоступности и непонятности для широкой публики. В повседневной реальности эта тенденция выражается в формалистических течениях в искусстве, в науке – подменой практической проверки новых идей мнением сообщества экспертов-авгуров и продвижением так называемой альтернативной науки; в технике – разработкой устройств и их функций, удовлетворяющих изощренные и искусственно сформированные запросы потребителя, измученного скукой обыденной жизни.

Инволюция культуры в настоящее время имеет целый ряд специфических проявлений. Крушение идеи победоносного шествия глобализации порождает фактическую локализацию культуры по странам и регионам [1]. Видимое многообразие культур сопровождается объединяющей тенденцией -- эклектичностью форм, жанров и средств выражения. Почившие или умирающие жанры, сохраняющиеся в статусе антиквариата с помощью государственной или филантропической поддержки, используют для привлечения зрителей, поклонников или читателей заимствование средства выражения из отдаленных непрофильных жанров. Характерные примеры: «авторские прочтения» пьес, либретто, партитур классических произведений и прочее в рамках художественной культуры. В рамках науки – внедрение терминов, идей и концепций из

далеких по предмету и методам других наук или даже из «альтернативных» теорий. Так постмодернизм насыщает философию и теорию культуры терминами и концепциями из естественных наук, но в малограмотном и неподобающем смысле [5]. В психологию и в медицину проталкивается ложная концепция биополя для объяснения здоровья и лечения болезней. В потоке творчества перформанса как новейшего направления культуры перемешиваются художественные жанры, технические объекты, бытовые предметы и психические отклонения автора.

Реальная инволюция захватывает не только производство продуктов культуры, но и целые институты социума: семью, общеобразовательную школу, библиотеки, высшее образование, сферу управления. Так, вузы и библиотеки трансформируются в торгово-развлекательные комплексы; политические и избирательные кампании превращаются в скандально вульгарные карнавалы; семья – в братское единство мыслимых и немыслимых животных отправлений.

Конечно, инволюция культуры – не фатальный процесс. Государство и политическая власть имеют достаточно средств для влияния на процессы культурного развития, на регулирование и управления культурой. Разумеется, не в смысле непреклонного понуждения творцов к созданию строго определенных образцов культурных ценностей, знаний и норм. Вполне поддается стимуляция творчества, управление хранением и распространением продуктов культуры, социально оправданное использование и применение культурных достижений. Но как возможно это делать и какими средствами – вопрос совсем другой.

Привлеченная литература

- 1.Капустина Л.Б. Глобализация и глобальная культура: два десятилетия под прицелом аналитиков // Управленческое консультирование. 2010. № 4.
- 2.Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. М.: Либроком, 2008.

3. Прокофьев Д. Без иллюзий. Что ожидает российскую экономику этой зимой? [\Звезда](#). 2016. № 10.
4. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть. М.: РОССПЭН, 2004.
5. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
6. Суслов Н.И. Проект ООН «Будущее мировой экономики: что не сбылось? // ЭКО. 2011, № 12.
7. Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. 2001. № 7.